

УДК 821.161.1.0
DOI 10.17223/18137083/62/19

Л. А. Ходанен

Кемеровский государственный университет

**Концепты «Запад» и «Восток» в идентификационных процессах
русской литературы**

Рецензия на книгу:

**Алексеев П. В. Концептосфера ориентального дискурса
в русской литературе первой половины XIX в.:
От А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому: Моногр.
Томск, Изд-во Том. ун-та, 2015. 348 с.**

В контексте современных востоковедческих исследований и ориентальных концепций в книге рассматривается восточная тема в русской литературе. Предметом изучения являются художественные произведения эпохи романтизма, журнальные публикации, эпистолярный, травелог. Представлена историография русского ориентализма, в которой охвачены политический и религиозно-философский аспекты. Коран выдвинут как ядерный текст русского ориентализма. Определена концептосфера русского ориентализма, в качестве главных концептов указаны *ВОСТОЧНЫЙ ПОЭТ* и *ВОСТОЧНЫЙ ТИРАН*, ориентальное содержание которых исследуется в творчестве Н. В. Гоголя («Ал-Мамун») и в лирике А. А. Фета. Жанрово-тематическое единство восточного текста русской литературы прослежено на материале коранического нарратива в цикле А. С. Пушкина «Подражания Корану» и турецкой сказки М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб». Отмечен протестный характер ориентализма М. Ю. Лермонтова. Интерпретации суфизма выявлены в поэзии Д. Ознобишина. Особый раздел книги посвящен ориентальным травелогам и имажинативной географии русского ориентализма. Анализируется сирийский топос в прозе О. Сенковского, псевдопутешествия на Восток А. Вельтмана, арзрумский травелог А. С. Пушкина и др. произведения, в которых формируется образ русского человека на Востоке.

Ключевые слова: ориентализм, Коран, свертхтекст, коранический нарратив, ориентальный травелог.

Ходанен Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы и фольклора Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; hodanen@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 1
© Л. А. Ходанен, 2018

Вызванное бурными событиями, происходящими в большинстве восточных стран, внимание к ориенталистике в разных областях гуманитарных наук как никогда раньше обращает к накопленному опыту связей России и Востока, начавшихся в прошлые эпохи. Одной из форм постижения восточной культуры и восточного менталитета были литературные связи.

В отечественной науке традиции их изучения заложены в компаративистике А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, а также в исследованиях востоковедов (В. В. Бартольд, Н. И. Конрад, И. С. Брагинский и др.) и развиты в работах нескольких поколений продолжателей этих научных школ. Но обширность и многообразие межкультурного диалога России и Востока до настоящего времени составляют большое поле для новых исследований на основе современных ориенталистских идей и концепций, а также достижений востоковедения, сравнительного литературоведения, истории религии, культурологии и новых теорий и методик изучения текста.

Восточные темы и мотивы в русской словесности в книге П. В. Алексеева рассматриваются в контексте новых геополитических доктрин России и Европы, связанных с имперскими экспансиями на Восток и на Балканы, и с учетом комплекса идей, проектов, трудов отечественной и европейской ориенталистики XIX–XX вв. На этой основе образ «русского Востока» в его главных составляющих последовательно соотнесен с западными ориенталиями в дискурсе цивилизационных идей эпохи колониализма и постколониализма и их отражения в европейской культуре, создавшей свой образ восточного мира и человека. Как утверждает автор, межкультурный диалог происходит в процессе «самоориентации» русской культуры и самоидентификации России через диалог с Другим, в лице которого выступают Восток и Запад.

Восточный текст русской литературы рассматривается на материале ряда восточных религиозных трактатов, художественных текстов, их русских переводов, переложений, подражаний, реконструкций, а также исторических трудов XVIII–XIX вв., травелогов, эссе, эпистолярия, наиболее репрезентативно отражающих идеи, культурные концепты, имена творцов, символы, мотивы и образы Востока. Концептосфера русского ориентализма представлена как «особая мифологическая система, сформированная в эпоху русского имперского дискурса первой половины XIX века».

Привлекая подходы к столь разному материалу, применяемые в имагологии, культурологии, исторических науках, которые используются наряду с традиционной литературоведческой методологией и методиками анализа структуры и поэтики художественного текста, автору удалось избежать методологической эклектики.

Эстетическая составляющая в рассмотрении восточного текста русской литературы остается главной в оценке концептосферы русского ориентализма, органично соединяясь с культурно-историческими, философско-теологическими и ментальными характеристиками, благодаря чему выявляются глубинные смысловые пласты восточного присутствия, запечатленные в художественных формах.

В монографии концептуально представлены теоретический и методологический аспекты сравнительной характеристики русского восточного текста, а также его политические, религиозно-философские и другие дефиниции. В качестве главных концептов русского ориентализма выдвинуты *ВОСТОЧНЫЙ ПОЭТ* и *ВОСТОЧНЫЙ ТИРАН*. В главе «Жанрово-тематическое единство восточного текста русской литературы: нарративы, концепты, топосы (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов)» обосновывается системная типология художественных форм и поэтика русского ориентализма, отрефлектированная в творчестве ведущих авторов. Особый раздел книги посвящен травелогам, которые отразили образ русского челове-

ка на Востоке, художественное пространство и имажинативную географию русского ориентализма.

Возвращаясь к оценке первой главы, являющейся методологическим фундаментом всего исследования, необходимо отметить почти исчерпывающую полноту освещения современных дискуссий европейских культурологов и ориенталистов вокруг известной книги Э. Саида о западном восприятии Востока, о возможности проецировать ее содержание на русский ориентализм. Включаясь в решение этих научных проблем, П. В. Алексеев обосновывает особенности «восточного вопроса» в русских текстах и высказываниях ведущих поэтов эпохи – А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева, помещая их в контекст русского колониализма, что позволяет увидеть значительные отличия от западных стереотипов.

Развивая давно сложившуюся установку видеть западноевропейские истоки в ориентальных темах и мотивах русской литературы, исследователь обращается к непосредственным контактам с Востоком. Для этого в истории освоения коранического текста рассматривается прямая рецепция поэтики суфизма в переводах и подражаниях. В сравнениях с оригиналами комментируется присутствие строя мистической мысли этого мусульманского философского течения в лирике Д. П. Ознобишина, А. А. Фета в форме опорных ориентальных кодов, вошедших в русскую поэзию.

В «восточных текстах» русских романтиков отмечается несовпадение с колониальной доктриной. Протестное содержание в трактовке колониальной темы в русской литературе традиционно связывается с творчеством Л. Н. Толстого. Исследование П. В. Алексеева аргументированно углубляет представление о его развитии, которое началось вместе с освоением западного, в первую очередь байроновского ориентализма. Размышляя над этим, невольно вспоминается, что П. В. Вяземский в рецензии на первую восточную поэму А. С. Пушкина «Кавказский пленник» (1821) осудил поэта за то, что он «окровавил» ее финал, воспев генерала П. С. Котляревского, известного современникам своей жестокостью в кавказской войне.

В книге существенно расширен корпус восточных произведений романтиков. В этом отношении дополнена пушкинская восточная тема. В свете колониального дискурса подробно рассмотрены повесть «Кирджали», «Песни западных славян», до настоящего времени мало упоминаемые в связи с ориентальной концепцией поэта. Заслуживает внимания попытка рассмотреть «исламский восток» в имажинативной географии Гоголя на примере статьи «Ал-Мамун», хотя пока речь идет в значительной степени о постановке проблемы ориентализма Гоголя, которая только заявлена и требует дальнейшего изучения и в плане источников, и в плане поэтики.

В монографии развернуто рассматриваются центральные произведения русского ориентального сверткста. *КОРАН* вполне правомерно выдвинут здесь как ядерный концепт русского ориентализма. Привлекая историю восприятия и раскрывая нарративный потенциал священной книги мусульман для изучения «Подражаний Корану», П. В. Алексеев значительно углубляет оценки смыслового содержания и поэтики пушкинского цикла, раскрывает традицию освоения Корана в библейской перспективе как древнего ориентального памятника с его философско-мировоззренческим содержанием, но без церковной догматики и подробно на целом ряде концептов (пещера, одиночество, вдохновение поэта и др.) демонстрируя текстопорождающую роль коранических образов для художественного выражения эмоционального мира самого поэта.

Посвятив два раздела второй главы образу поэта-пророка, П. В. Алексеев исследует множество европейских и русских источников XVIII–XIX вв, в которых представлены разные формы рецепции Корана. На этой основе, насколько нам

известно, впервые в пушкинистике представлен столь детальный культурологический контекст, в котором возникал данный концепт в русском ориентализме.

В разделе главы, посвященном стихотворению «Пророк», автор включается в многолетнюю полемику пушкинистов об истоках образа пророка, лирическом хронотопе, символике основного события, делая вывод об архетипической основе художественного строя стихотворения, находящей соответствия в трех ведущих мировых религиозных системах. В подробном разборе поэтического цикла вполне убедительно раскрыты связи основного образа мифопоэтики «Пророка» с коранической традицией. Это дает основание автору предложить оригинальную реконструкцию цикла, а также раскрыть, насколько глубоко воспринимал Пушкин значимость пророка в мусульманской культуре, как он связывал текст Корана и его создателя Мухаммеда. Но кораническое содержание некоторых образов вызывает сомнения, например: символика «дольней лозы», евангельская семантика которой сильно сужена; это же относится к образу «трепетного сердца»¹; также вызывает сомнение толкование сновидческого состояния пророка. Хотя это не отменяет убедительно представленных связей произведений с текстами Корана.

В ориентализме М. Ю. Лермонтова акцентирован его «протестный характер», сочетание «трагедии» и «иронии», что обосновано особой судьбой поэта, философско-историческими идеями, выраженными в произведениях 1837–1841 гг., и политическими событиями современной ему действительности. По сравнению с Пушкиным, как отмечается в работе, Лермонтов формирует свой ориентальный миф, который лежит в основе концептосферы в Кавказа как «внутреннего Востока».

Новизна оценок присутствует в оценке «Валерика», одного из ядерных текстов в формировании восточного содержания концепта судьбы в лирике и в прозе автора. Возможные источники Демона расширены в область коранических сказаний и суфийской поэзии. Но проявление западно-восточного синтеза в этих лермонтовских текстах мало соотносено с другими его кавказскими произведениями, что несколько обедняет оценки, раскрывая проявления синтеза как единичные. Это же касается и преодоления поэтики марлинизма. На наш взгляд, тема обрусения мусульманина, и более широко – вхождения горца в мир другой культуры представлена у Лермонтова более значительно, наполняясь философско-историческим, социальным содержанием, героикой, трагизмом.

Колониальный дискурс, идущий от западных стереотипов восприятия Востока, сменяется у Лермонтова вниманием к укладу жизни, фольклору и мифам народов Кавказа, в связи с чем намеченный в работе П. В. Алексеева подход может быть плодотворно развит в рассмотрении поэтической географии восточного текста Лермонтова, в которой выделяются отдельные локусы, центр, границы с их особыми концептами и мотивами, например Грузия, Северный Кавказ, Терская Линия.

Особый научный интерес во второй главе подставляет рассмотрение коранического нарратива в турецкой сказке М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб». Автор работы представляет собственную трактовку основного сюжетного мотива, связывая его с темой божественного предопределения, восходящей к суфийской поэзии. В контексте с коранической культурой по-новому определяется статус героя и смысл его чудесного пути как духовного странствия, раскрывается семантика имени главного героя и его покровителя.

Завершая исследование восточного текста русской литературы, автор вполне обосновано обращается к вопросу о позиционировании русского человека в пространстве внешнего и внутреннего Востока в дискурсе развития колони-

¹ См.: Симфония на Ветхий и Новый Завет. Л., 1928. С. 545, 1056.

ального движения на Восток и процесса самоидентификации по отношению к Западу и Востоку.

Формируя теоретическую основу изучения ориентальных травелогов, П. В. Алексеев приводит в первом разделе большой обзор разновидностей этой формы в русской литературе, устанавливая особый дискурс русского ориентального травелога, в «памяти жанра» сохранившего «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина как своеобразную модель стратегии повествования. При рассмотрении множества образцов восточных путешествий отмечен характерный интерес к этнографии, владение определенными востоковедческими знаниями и своя география, реальная и вымышленная. Для отдельного рассмотрения выбраны реальные, литературно-научные и фантастические путешествия по Востоку, в которых отмечены оригинальные черты художественной формы. В этом ряду впервые рассмотрена стратегия повествования в вымышленном ориентальном путешествии А. Ф. Вельтмана в «Страннике» и контекстуальные связи произведения с европейскими и русскими псевдопутешествиями Касабье де Местра, Н. Брусилова, П. Яковлева. Придуманый Ориент Вельтмана охватывает все неевропейское пространство, включая и Бессарабию эпохи имперской политики 1830-х гг. В нем пересекаются реальность, литература, мифология, мусульманство и христианство.

Достаточно изученный в предшествующей научной традиции пушкинский арзерумский травелог оригинально представлен в аспекте концептуальных принципов ориентализации пространства, в характеристике субъекта повествования и его двойной позиции, западной и восточной, – «с книгой и нагайкой» в руках.

Особой новизной привлекаемого материала и его убедительной интерпретацией отличается раздел, посвященный травелогам и «восточным повестям» О. И. Сенковского. Автор устанавливает парадоксальную связь, демифологизирующую и ремифологизирующую, между научным ориентализмом знаменитого востоковеда и образами Востока в его повестях и романе. Образа Сирии в двух разных по своему содержанию и направленности текстах Сенковского «Антар» (1832) и «Воспоминания о Сирии» (1834) раскрыт как остроумная литературная игра повествующего автора, ирония лингвиста, мифопоэтическое выстраивание образа страны как Восточной Пальмиры. Отмеченные приемы повествования раскрываются в образе европейца, оценивающего Восток.

В завершающем разделе книги исследуется формирование персонального мифа об Афанасии Никитине. «Путешествие» тверского купца рассматривается как эгодокумент, повествующий о частном путешествии в Индию, героем и повествователем в котором выступает не паломник и не дипломат, а частный человек, смело отправившийся в неведомую страну. Автор исследования затрагивает спорный вопрос о религиозной принадлежности путешественника, разграничивая взгляды реальной исторической личности и художественную картину мира в созданном «Путешествии за три моря», находя в ней влияние мусульманских представлений о мире.

На основе проведенного изучения концептосферы русского ориентализма в контексте диалога Запада, России и Востока, соотнесенного с колониальным политическим дискурсом русской и европейской истории XIX в., русский ориентализм определяется как система художественного мышления, а «восточный текст» в русской литературе предстает как его «знаковая сверткестовая манифестация».

В книге П. В. Алексеева намечено новое перспективное направление в изучении русской литературы, которое обогащает раскрытие ее эстетического потенциала в изучении межнациональных связей, выявляет в новом дискурсе значимость литературы как формы самосознания и самоидентификации национальной культуры.

L. A. Khodanen

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, hodanen@yandex.ru

The concepts of East and West in the identification processes of Russian literature

**Alekseev P. V. The conceptual sphere of the Orient discourse
in the Russian literature of the first half of 19th century: A. Pushkin, F. Dostoyevsky.
Monograph. Tomsk, TSU, 2015, 348 p.**

In the context of modern Oriental studies and Oriental concepts, the book covers Oriental theme in Russian literature. The object of study is the artistic works of the romantic era, journal publications, epistolary, travelogues. The author presents historiography of Russian Orientalism dealing with political, religious and philosophical aspects. The Quran is proposed to be a nuclear text of Russian Orientalism, marked by the reception of Sufi motifs forming the Eastern codes of Russian poetry. The central concepts of Russian Orientalism are specified as «Oriental poet» and «Oriental tyrant», the Oriental content of which is studied in the works of N. Gogol («Al-Mamun») and the poetry of A. A. Fet. The genre-thematic unity of the Eastern text of the Russian literature is traced on the material of the Quranic narrative in the cycle of Pushkin's «Imitations of Quran» in the Lermontov's Turkish tale «Ashik-Kerib». The protest character of Lermontov's Orientalism is emphasized. A special section of books is dedicated to Oriental travelogues and imaginative geography of Russian Orientalism (Syrian topos in the prose of O. Senkovsky, A. Veltman's «pseudopotential» East, Arzamas travelogue of A. S. Pushkin) in which the image of the Russian people in the East is formed.

Keywords: Orientalism, the Koran, cortex, the Quranic narrative, oriental travelogue.

DOI 10.17223/18137083/62/19